

**ОНИМ КАК ЗНАКОВАЯ СУЩНОСТЬ:
ЗНАЧЕНИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И «СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»**

В статье специфика смысловой структуры имени собственного рассматривается с позиций признания его свернутым текстом особого рода. Экстраполяция методологии анализа текста на исследование природы имени позволила выявить диалектику взаимодействия таких категорий как «значение» и «содержание» в семантическом пространстве онима.

Ключевые слова: *оним, свернутый текст, языковой знак, смысловая структура, значение, содержание.*

Выделенные как самостоятельный класс языковых единиц еще стоиками, имена собственные по сей день находятся в фокусе лингвистических изысканий. В частности, продолжается активное обсуждение природы их качественной определенности, в ходе которой было высказано множество как однозначных, так и достаточно противоречивых суждений. При этом, наиболее дискутируемыми представляются особенности их смысловой структуры. В ряде исследований получили освещение логико-философские истоки данной проблемы (Кузанский Н; Лосев А.Ф; Руденко Д.И.; Соловьёв В.С.; Флоренский П.А.; Gardiner A.; Kripke S.; Mill J.S.; Pulgram E. Schwarz S.P.; Searle J.R. и др.). С разных позиций и с использованием различных методов смысловая структура собственных имён рассматривалась также в собственно лингвистическом (Белецкий А.А.; Березникова Р.Е.; Болотов В.И.; Бондалетов В.Д.; Гурская Ю.А.; Карпенко Ю.А.; Курилович Е.; Левковская К.А.; Лотман Ю.М.; Молчанова О.Т.; Селезнёва Л.В.; Суперанская А.В.; Толстой Н.И.; Шерешевская Е.Б.; Algeo J.; Barnhart C.L.; Lehrer A.; Saka P.; Sørensen H.S. и др.), а также в социолингвистическом, в том числе этнокультурном (Бахнян К.В.; Комарова Р.А.; Листрова Ю.Т.; Никонов В.А.; Топоров В.Н.; Carrole J.M.; Kniffka H.; Lieberson S. и др.), аспектах.

Осознание неизбежности выхода из замкнутой системы языка при анализе смысловой структуры языкового знака и признание того факта, что значение в естественных языках является мысленно кодируемой информационной структурой, а семантическая структура, соответственно, представляет собой форму концептуальной структуры, придало актуальности установлению тех характеристик онима, которые позволяют рассматривать его в качестве некоего когнитивного образования, вписанного в общий контекст общественного сознания индивидов, составляющих социум на конкретном

временном и социальном срезе. Этим обусловлена предпринятая в статье попытка анализа смыслового пространства антропонимов с точки зрения иерархии закодированных в нем разноуровневых информационных кластеров.

Личные имена рассматриваются в работе в качестве свёрнутых национально-культурных *текстов*, т.е. единиц более высокого по сравнению с именем-словом уровня организации. Данный подход вписывается в общие концептуальные рамки современной лингвистической трактовки текста как сложного имени особого рода [6, с. 42]. При этом, предлагаемая нами программа интерпретации онима как свёрнутого текста основывается на признании последнего триединым макрознаком, предполагающим наличие собственного «означаемого» – плана содержания (ПС), «означающего» – плана выражения (ПВ) и определённой функции. При этом ПС текста, включающий взаимосвязанные элементы семантического и коммуникативного планов, соотносится со специфическими моделями в концептуальном пространстве человеческого мышления, а функционирование текста обуславливается его обязательной коммуникативной направленностью, связанной со шкалой аксиологических ориентаций социума, его моральными установками и эталонами поведения. Таким образом, рассматривая оним-текст как знаковую систему со сложной иерархической организацией, т.е. как многоаспектное, многомерное, многослойное и полисистемное вербальное образование [1, С. 38-39], и допуская при этом, что имя собственное как свёрнутый текст может иметь значительно большее число аспектов и измерений, при его рассмотрении в рамках настоящего исследования в качестве основных мы выделяем такие лингвистические аспекты анализируемой языковой категории:

- структурно-семантический;
- содержательный;
- коммуникативно-прагматический.

Структурно-семантический и содержательный аспекты отражают базисные закономерности формирования и существования онима как *знаковой сущности*, что является исходным моментом при определении природы его качественной определенности: ведь опередмеченные в них ПВ и ПС в совокупности составляют основу структурно-семантической и концептуально-содержательной целостности всякого текста, антропонима в том числе. Вычленение коммуникативно-прагматического аспекта предопределяется тем, что всякий текст представляет собой не только знаковое образование, но и *оттиск сложного коммуникативного акта*, отражающий определенное коммуникативное событие, на основании чего он может быть квалифицирован как своеобразный речевой акт или его аналог [1, с. 71].

Данное положение вполне может быть применено к обоснованию текстовой природы качественной определенности антропонима, поскольку, с одной стороны, закодированный в его внутренней форме (ВФ) акт наречения ребёнка именем действительно представляет собой отклик сложного интеракционального акта, в котором вербализуется некая коммуникативная установка имядателя, направленная на именуемого. С другой стороны, не вызывает сомнения тот факт, что антропоним получает свое языковое воплощение как номинативно-коммуникативная единица (текст) только в составе дискурса как коммуникативного целого. Дискурс в этом отношении выступает своеобразным контекстом реализации и актуального функционирования антропонима-текста, где последний приобретает статус «субтекста» по отношению к дискурсу-«супертексту» (в терминологии Ю.И. Сватко [6, с. 22]).

Рассмотрение структурно-семантического и содержательного аспектов антропонима как свёрнутого текста позволяет распределить его семантический компонент. Последний в экстенциональном и интенциональном планах реализуется через взаимодействие двух категорий – *референциальности*, опредмечивающей соотносённость имени-текста с некоторым сегментом реального мира, и *концептуальности*, воплощающей его текстовый концепт. Указанные категории эксплицируются при анализе *значения* (референциальность) и *содержания* (концептуальность) имени.

Вычленение в ПС имени-текста значения и содержания связано прежде всего с тем, что всякий текст предстает перед исследователем не только как «способ выражения знаний о системе денотатов /.../, но и как способ структурирования представлений и оценок действительности» [11, с. 29]. Иными словами, через опредмеченное в нем знание текст «не только отражает действительность, но и сообщает о ней» [1, с. 41]. В результате текст, с одной стороны, отражает модель реального мира в том виде, как она существует в сознании автора данного текста, посредством чего он (текст) оказывается связанным с объективной действительностью. С другой стороны, имя-текст является отображением той интерпретации мира, которая принадлежит адресату-интерпретатору, и тем самым он связан с когнитивной сферой последнего. С учётом вышесказанного, а также принимая во внимание то, что при кодировании или декодировании текста «мы имеем дело не с языком как таковым, а со знанием, которое язык выражает и передает» [5, с. 102], под значением имени-текста мы вслед за О.П. Воробьёвой понимаем воплощенное в нём знание о мире – фрагменте реальности или квази-реальности [1, с. 41]. В случае антропонима в роли обозначаемого им фрагмента реальности выступает человек-личность, носящий данное имя, и, в нашем понимании, понятие

«значение» антропонима подразумевает чисто его *референтную*, «паспортную» («именно этот человек») сущность.

Неотъемлемой составной частью значения имени-текста является также *семантика его апеллятивной основы* – зафиксированное в лексикографических источниках этимологическое значение элементов, положенных в основу номинации данным антропонимом. Поэтому в наиболее общем виде понятие «значение» имени представляет собой синтез по крайней мере двух компонентов: референтного значения анализируемого антропонима (его «денотата» в терминах классической семантики) и этимологического значения его апеллятива («сигнификата»).

Иными словами, семантическая структура онима характеризуется наличием в ней денотативного и сигнификативного начал, соотношение которых не является однозначным и варьирует на различных этапах формирования и функционирования имени. Так, в момент его возникновения сигнификат как понятие, материализованное в апеллятивной основе, мотивирует номинацию данным именем, заключая в себе тот дифференцирующий признак (признаки) или свойство (свойства), которыми родители хотели бы наделить новорожденного. Важно подчеркнуть при этом, что свойства и признаки, заключённые в сигнификате имени и мотивирующие его выбор, являются социально обусловленными. Они обязательно вписываются в систему онтологических и аксиологических ценностей, присущих обществу на определённом этапе его развития. Поэтому анализ семантики апеллятивов антропонимов каждой конкретной культурно-исторической традиции позволяет построить общую ономаσιологическую модель структуры мира, релевантную в контексте рассматриваемой традиции.

Однако, появившись как результат сугубо индивидуальной имятворческой фантазии, всякий антропоним в процессе своего дальнейшего функционирования постепенно утрачивает свои первоначальные мотивирующие признаки, распространяясь на множество других носителей данного имени. В результате он теряет непосредственную связь со значением породившей его апеллятивной основы и приобретает черты конвенциональности. Как следствие, ввиду действия т.н. «закона ономаσιологических диссоциаций» О. Хёфлера [см. 2, с. 140], на современном (синхронном) этапе существования антропонима его денотативный компонент (референтное значение) может не иметь эксплицитно выраженной связи со своим первоначальным сигнификатом. Последний, однако, благодаря диахронически хранящейся в нем «семантической памяти» данной леммы становится основой для реконструкции *содержания* имени. Содержание имени-текста трактуется нами как пропущенный через сознание его

интерпретатора сложный информационный комплекс, представляющий собой сообщение о разворачивающейся за ВФ антропонима текстовой ситуации «Наречение ребёнка именем» как оттиске определенной концептуальной ситуации, т.е. о его текстовом событии и об участниках этого события (имядатель и первичном адресате имени). Принимая во внимание всё изложенное выше, следует отметить, что *значение* антропонима предполагает отношение действительности и текста, в то время как его *содержание* имплицитно определяет отношения адресата-интерпретатора и текста, опредмечивающего результаты его творческой когнитивной деятельности.

Таким образом, сфера *структурно-семантического* аспекта рассматриваемой языковой категории, предполагающего анализ *значения* имени-текста, с одной стороны, очерчивает зону конкретной референтной соотнесенности последнего, а с другой – является ключом к пониманию глубинных концептуальных процессов, которые закодированы во внутренней форме антропонимов. Связано это, в первую очередь, с тем, что скрытые от непосредственного наблюдения глубинные смыслы, которые в совокупности составляют содержательно-концептуальную основу рассматриваемых текстов, «выходят на поверхность» в определенном образом устроенной линейной последовательности апеллятивов, составляющих ПВ имени-текста, что является базой его первичного (внешнего) восприятия. При этом, по мнению О.П. Воробьевой, предварительный взгляд на текст определяется некоторыми устоявшимися канонами построения, и во многих случаях сама форма (холистическая оболочка) анализируемого текста может задавать некоторые направления его дальнейшей интерпретации, в ходе которой интерпретатор получает возможность более детально проследить динамику текстonomической координации частей текста, т.е. их разворачивание в пространственно-временном аспекте.

Предлагаемая в статье трактовка *содержания* имени-текста находит концептуальные параллели с понятием «до-антропонимического» (этимологического) значения у В.А. Никонова [3]. Однако, в нашем понимании, восходящее к реконструкции ВФ, понятие «содержания» имени-текста намного шире понятия его «научной этимологии» (в терминологии В.Н. Топорова), в результате которой слово предстает как своего рода «застывший и совершенный в своей законченности кристалл» [8, с. 207]. Концептуальный анализ содержания антропонима-текста представляет собой одну из разновидностей т.н. «мифопоэтической», «онтологической» (по В.Н. Топорову) этимологии, где исследователь, не являющийся профессиональным этимологом, пытается найти другое (помимо лежащего на поверхности и всем известного) значение слова, которое стоит за первым значением,

непосредственно выводится из внеязыкового мира вещей и, следовательно, «отражает прямую связь знакового с дознаковым». Такой анализ направлен на исследование неисчерпаемых глубинных потенциалов рассматриваемой единицы как одного из существенных конструкторов модели мира [op. Cit.].

Таким образом, вычленение содержательного аспекта антропонима, нацеленного на анализ свернутого за ВФ имени *содержания*, связано прежде всего с тем, что антропоним, двойственная природа которого обуславливает его функционирование в качестве языкового и культурно-исторического индекса, оказывается максимально приближенным к ментальным процессам, доминирующим в социуме на определенном временном и социальном срезе, и к системе языка, предлагающей выбор и закономерности аранжировки элементов (лексем) для вербального воплощения этих процессов в материальной форме личных имен как лингвистических знаков. В результате антропоним представляет собой своеобразную пропозициональную структуру, служащую целям хранения и передачи от поколения к поколению «социокода» общества как основной знаковой реалии культуры. И для того, чтобы ответить на вопрос о том, как устроено ее концептуальное пространство, обратимся к рассмотрению феномена внутренней формы языковой единицы.

ВФ исторически присуща любой лексической единице. На синхронном срезе она воплощается в семантической структуре знака, представляя собой умственный интериоризованный образ, потенциально абстрагирующий и отражающий в виде апперцепционного представления один или несколько существенных признаков денотата, фиксируемых в памяти носителей языка морфемной структурой слова/выражения. Используя метафору П.А. Флоренского, можно сказать, что ВФ слова – это «его душа, происходящая от акта духовной жизни». Она порождает тело слова, его внешнюю форму и служит «инструментом переложения мысли на другой язык» [10, с. 233]. В рамках данного исследования ВФ определяется нами вслед за Е.С. Снитко как концептуально-когнитивное содержание имени, фиксирующее языковыми средствами дискретные элементы содержания представлений об именуемом объекте [7, с. 44].

Возникновение ВФ всякой номинативной единицы (онима в том числе) представляется неременным звеном в процессе перехода от невербального мыслительного кода к коду вербальных единиц. ВФ – это мост, соединяющий две стадии номинативного акта: довербальную, связанную с существованием комплекса ассоциаций, которые сопровождают идеальный образ предмета или явления, и стадию вербальной номинации этого предмета. Первая из указанных двух стадий необходима ввиду апперцептивного характера психических процессов человека, в силу чего любой новый объект, на который направлена

номинативная деятельность субъекта, осмысливается последним в системе ассоциаций, сопряженных с поиском интегральных и дифференциальных признаков обозначаемого. На основе этих признаков формируется общее представление об именуемом объекте, которое предполагает помещение последнего в определённые связи и отношения с другими объектами, умение обращаться с ним, использовать его для чего-то. В результате, во ВФ знака фиксируются не только зрительно воспринимаемые признаки предметов и явлений, но и глубинные связи внеязыковых феноменов, непосредственно недоступные зрительному восприятию. На основе возникающих обобщений и осуществляется подготовка к акту номинации языковым знаком, в ходе которого в форме языковой единицы на поверхность выходит сложное взаимодействие содержащихся в информационном тезаурусе человека энциклопедических и языковых знаний.

Еще один важный, на наш взгляд, момент в процессе формирования ВФ номинативной единицы (антропонима в частности) состоит в том, что, исходя из концептуальных положений теории установки, характер отражения того или иного предмета или явления обусловлен прежде всего интенцией субъекта, а также индивидуально-типологическими особенностями психики последнего, в частности, его способностью к воображению [9]. Поэтому из всех возникающих ассоциаций субъект, осуществляющий акт номинации, избирает пучок наиболее важных с позиций своего смыслового задания ассоциаций, которые осмысливаются как признаки обозначаемого, релевантные для создания имени [7, С. 41-42]. В этой связи важно, однако, иметь в виду, что выбор этих признаков нельзя назвать абсолютно произвольным, поскольку он опосредован установкой номинатора-имядателя.

Следовательно, в каждом конкретном случае название (имя) психологически мотивировано. При этом психические процессы – это процессы не только когнитивные, но и эмоционально-волевые, поскольку создание наименований обусловлено не только необходимостью обозначить общественно осознанные предметы и явления, но и стремлением охарактеризовать реалии с точки зрения их качественно-количественных особенностей, выражения эмоционального отношения субъекта к соответствующему предмету, его оценки, т.е. стремлением создать номинативно-характеризующий знак. Именно таким знаком является по своей природе антропоним, ВФ которого обладает способностью представлять образ, выступающий как своего рода социальный эталон отрицательного или положительного. Основой этого является то, что хотя установка номинатора-имядателя – это явление индивидуальной психики человека, она в силу социальной природы последнего лежит в основе создания стереотипов, что

позволяет отметить специфическую особенность номинативной деятельности человека – ее ориентацию на сложившиеся готовые образцы. В случае онима образцы эти представляют собой аксиологически маркированные образные стереотипы, опосредующие направление возникающих при наречении имени ассоциаций. Последние обусловлены интенцией найти некий эталон, относящийся, как правило, к сфере прекрасного, возвышенного, героического. К примеру, называя девочку именем *Charity*, родители тем самым выражают своё желание видеть ребёнка милосердным, добрым, сострадательным. А в мужском имени *Duke*, наоборот, в качестве отправной точки утверждается мужественность, обычно связываемая с понятием «герцог». В то же время, дополнительная ассоциация с данным именем – это идея благородства, чести, силы и справедливости.

С учётом вышесказанного правомерно, на наш взгляд, наряду с *индивидуально-психологической мотивированностью* ВФ имени говорить о ее *социальной мотивированности*, а значит «вписанности» в определенные одобренные социумом структуры и модели поведения индивидов: ведь действие установки, по Д.Н. Узнадзе, создает преднастроенность к определённого типу поведения человека и обеспечивает некий сценарий действий и поступков последнего [9]. Следовательно, считает Ю.Г. Панкрац, понятие психологической установки заставляет исследователя изучать ориентационные и ценностные структуры сознания – структуры, предназначенные для репрезентации в голове человека данных об определенной стереотипной ситуации, т.е. «фреймы» самого поведения человека в том или ином контексте [4, С. 91-93].

Подводя итог всему изложенному выше, отметим следующие основные моменты: ВФ антропонима как его своеобразная «семантическая память» проходит в своем формировании несколько этапов. Первоначально она имеет орму образа нарекаемого данным именем человека. Однако, постепенно усложняясь, образная память имени переходит на следующий, более высокий уровень знаний – уровень памяти деятельностной, а далее и функциональной. При этом память именуемого объекта в структуре деятельности предполагает уже достаточно сложный пакет связанного между собой знания – некую *схему* обращения с объектом. В терминах современной науки о языке схему эту можно представить в виде предметно-центричного фрейма как одного из форматов репрезентации знания, позволяющего смоделировать стоящую за ВФ имени референтную коммуникативно-деятельностную ситуацию как оттиск определенной концептуальной ситуации. Рассматриваемую в рамках настоящего исследования стереотипную ситуацию, закодированную во внутренней форме антропонима как свёрнутого текста, мы определяем как

ситуацію «Наречення ребінка іменем». Перспективним в цій зв'язі видється побудова загального концептуального сценарія розв'орачивання даної прототипическої ситуації, а також розгляд специфіческих черт заповнюємості слотів-терміналів даного динамічного фрейма в зв'язності від статусу, котрий імя як лінгвосоціальний знак чловека-лічності імеєт в контекті різних типів свідання.

Література:

1. Воробьева О.П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (одноязычная и межъязыковая коммуникация): Дис... д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 1993. – 382 с.
2. Молчанова О.Т. К семантике имени собственного / О.Т. Молчанова // Проблемы теории и методики языка. — Ярославль: Ярославский гос. Ун-т, 1980. — С. 139-148.
3. Никонов В.А. Имя и общество / В.А. Никонов. — М.: Наука, Гл. ред. Вост. Лит., 1974. — 278 с.
4. Панкрац Ю.Г. Пропозициональная форма представления знаний / Ю.Г. Панкрац // Язык и структуры представления знаний. – М.: РАН ИЯ, 1992. – С. 78-97.
5. Петров В.В. Идеи современной феноменологии и герменевтики в лингвистическом представлении знаний / В.В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – №6. – С. 102-109.
6. Сватко Ю.И. Мир имени: явленность смысла (Ещё одна попытка осмысления философии имени) / Ю.И. Сватко // Руденко Д.И., Сватко Ю.И. Философия имени: в поисках новых пространств. — Харьков: Око, 1993. – С. 3-68.
7. Снитко Е.С. Онтологические аспекты именования в контексте проблем современной лингвистики / Е.С. Снитко // Имя: Слово, словосочетание, предложение, текст (именование на различных уровнях языка). — К.: ИСИО, 1993. — С. 39-48.
8. Топоров В.Н. О некоторых теоретических аспектах этимологии / В.Н. Топоров // Этимология 1984. – М.: Наука, 1986. – С. 205-211.
9. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования / Д.Н. Узнадзе. – М.: Наука, 1966. – 451 с.
10. Флоренский П.А. Избранные сочинения: В 2 т. / П.А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – Т.2: У водоразделов мысли. – 448 с.
11. Шахнарович А.М. Концепция анализа текста Г.В. Степанова: психолінгвістическа інтерпретація / А.М. Шахнарович // Res Philologica:

Науковий часопис НПУ ім. М.П. Драгоманова
Випуск 13'2015

Филологические исследования (памяти акад. Г.В. Степанова). – М.; Л.: Наука, 1990. – С. 29-31.

Гнаповська Л.В. Онім як знакова сутність: значення, зміст та «семантична пам'ять». У статті специфіка смислової структури власної назви розглядається з позицій визнання її згорнутим текстом особливого роду. Екстраполяція методології дослідження тексту на аналіз природи імені дозволила виявити діалектику взаємодії таких категорій як «значення» та «зміст» у семантичному просторі оніма.

Ключові слова: онім, згорнутий текст, мовний знак, смислова структура, значення, зміст.

Hnarpovska L.V. Onym as a Sign: Meaning, Content and “Semantic Memory”. The article considers specific features of the semantic structure of a proper name with respect to viewing the latter as a condensed text. Applying text analysis procedures to studying the nature of an onym has made it possible to reveal dialectic interaction of such categories as “meaning” and “content” within its semantic space.

Key words: onym, condensed text, language sign, semantic structure, meaning, content.